

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 11–20.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 2 (75). P. 11–20.

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_11

**«ПРИОХОЧИВАТЬ К ОСЕДЛОСТИ»:
ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА НА ИНОРОДЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ**

Лиджиева Ирина Владимировна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия
irina-ig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

Аннотация. Актуальность проведённого исследования обусловлена сохранением влияния природно-климатических факторов на развитие современного хозяйства в ряде животноводческих регионов современной России. Предметом данного исследования выступает имперская политика по переводу на оседлость кочевых инородцев Юга России в XIX – начале XX в. на примере калмыков, ногайцев, туркмен. Привлечение различных видов делопроизводственной документации: актов, канцелярских и статистических — с применением проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов научного исследования позволило выделить три этапа на пути к оседлости кочевников. Исследование показало, что указанные кочевые народы занимали территории, явно не располагавшие к развитию земледельческого труда, что и предопределило консервацию экстенсивного способа скотоводческого хозяйства на долгие десятилетия. В заключении автор приходит к выводу о том, что выработанная многими поколениями хозяйственная стратегия поведения кочевников, продиктованная географическим положением и климатическими условиями, не могла предполагать одномоментное изменение их образа жизни. Противоречивое поведение имперских чиновников разных уровней государственной власти в кочевых обществах Астраханской и Ставропольской губерний, показывает отсутствие чёткой выработанной государственной концепции относительно инородческих окраин Юга России.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Ставропольская губерния, Калмыцкая степь, калмыки, ногайцы, ставропольские туркмены, кочевые народы, экстенсивное хозяйство, оседлость, поселения

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Лиджиева И. В. «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 11–20. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_11.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

“TO LOOK FORWARD TO SETTLEMENT”: IMPERIAL POLICY IN FOREIGN TERRITORIES

Irina V. Lidzhieva

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the RAS, Rostov-on-Don, Russia
irina-ig@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

Abstract. The relevance of the research conducted is determined by the prolonged influence of climate factors on the development of modern households in several areas of modern Russia that relied heavily on cattle breeding. The subject of this study is the imperial political tactic which includes the transfer of Southern Russian nomadic foreign communities into a sedentary lifestyle (19–20 centuries) using Kalmyk, Nogai, Turkmen people as an example. With the help of multiple documents such as: acts, clerical papers as well as statistics and after using the problem-chronological & historical-comparison methods of research three steps of nomadic settling become visible. The study showed that these nomadic peoples occupied territories clearly not conducive to the development of agricultural labor, which predetermined the conservation of an extensive method of cattle breeding for many decades. In conclusion the author devices that the traditional, multi-generational survival strategy and experience of nomads which is pre-determined by geographical location and climate became obsolete when it came to sedentary living. The contradictory behaviours of Imperial politicians of different of state power importance in the nomadic communities of Astrahan and Stavropol provinces demonstrates the lack of governmental understanding of foreign areas of Southern Russia.

Keywords: Astrahan province, Stavropol province, kalmyk plains, kalmyk people, nogai people, Stavropol Turkmen people, householding, sedentary, settlements

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 "Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)" (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Lidzhieva I. V. "To look forward to settlement": imperial policy in foreign territories. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 11–20. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_11.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Российское государство на всём протяжении своего исторического развития складывалось как политическое и поликонфессиональное. Южные его территории населяли ряд народов, в том числе ведущих кочевой образ жизни. Целью исследования данной статьи выступает имперская политика на южных её окраинах по переводу на оседлость в отношении кочевников в XIX – начале XX в. на примере калмыков, ногайцев и ставропольских туркменов. Политика в отношении калмыков рассматривалась как в составе Астраханской, так и Ставропольской губерний. Согласно теории А. М. Хазанова, указанные народы относились к третьей форме кочевого хозяйства, «основанного на круглогодичном содержании скота, на подножном корму с кочёвкой по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники» [33, с. 214]. В начале XX в., по данным, приведённым Т. А. Невской, эти народы пользовались значительными земельными угодьями: если в среднем в Ставропольской губернии на душу мужского пола приходилось около 7,5 десятин земли, то у туркменов — 86 десятин, у ногайцев-едишульцев — 30 десятин [21, с. 131]. Однако остаётся крайне актуальным вопрос об удобности этой земли. Так, А. Т. Джумагулова, характеризуя территорию кочевания ногайских обществ, отмечает, что крестьянская колонизация к началу XX в. привела к тому, что кочевники были оттеснены на северо-восток, почти на безводные земли, переходящие на востоке в сыпучие пески [9, с. 40]. В своих исследованиях И. В. Бентковский в XIX в. пришёл к выводу о природно-климатическом факторе, обусловившем способ хозяйствования ставропольских кочевников. Так, основываясь на конкретных статистических данных и материалах полевых исследований, И. В. Бентковский писал: «Физические и топографические условия природы везде обуславливают экономическую деятельность и самые способы жизни народов. Условия эти создали особенную форму быта кочующих в Ставропольской губернии инородцев. Если поэтому у инородцев преобладает скотоводственная культура, требующая кочевой жизни, то это обуславливается прежде всего естественными и топографическими условиями страны, которые, главным образом, парализуют развитие между ними оседлой жизни и земледелия. Вследствие таких причин оседлая жизнь между инородцами чрезвычайно туго развивается» [1, с. 1].

К настоящему времени создана солидная историографическая база, раскрывающая механизмы обседления nomadov. Согласно концепции Н. Н. Крадина, номадизм не является особым способом производства, а лишь отдельной формой экономической деятельности, характерной для аридных экологических зон, тогда как седентаризация чаще выступает не причиной, а следствием кризиса номадизма [11, с. 188; 12, с. 167]. Предложенную Н. Н. Крадиным схему продолжает Ф. Л. Синицын. Он, рассматривая положение в «кочевых» регионах в конце XIX – начале XX в., отмечает, что «превалирование положительного восприятия перехода кочевников в России, закономерно как в "оседлом" государстве, а причинами перехода являются обеднение, рост численности кочевого населения и колонизация "кочевых" территорий переселенцами из центральных регионов России» [30, с. 171, 188].

Известный учёный-историк Н. Э. Масанов характеризует суть кочевого способа ведения хозяйства следующим образом: «в ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы, и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству как наиболее рациональной стратегии природопользования». Далее Н. Э. Масанов утверждает, что «в своём историческом развитии номадизм постепенно умирает как способ производства, поскольку не может быть полностью адаптирован к условиям индустриального и урбанизированного общества» [14, с. 42], тогда как А. М. Хазанов рассматривает седентаризацию кочевников как способ адаптации [34, с. 224–225]. Основная часть исследователей, рассматривающих процесс перехода к оседлости указанных выше народов, придерживается теории принудительной седентаризации в рамках советской национальной политики [2].

Основная часть

Нормативная правовая база, созданная имперскими законодателями по управлению калмыцким народом, определяя правовой статус Калмыцкой степи и её населения, включает правовые нормы, определяющие перспективы их развития. Так, например, § 9 высочайше утверждённых 10 марта 1825 г. «Правил для управления калмыцким народом» содержит довольно общую формулировку: «для достижения предполагаемых выгод от введения калмыков постепенным образованием в состав общего гражданского

управления» [28, с. 156]. В очередном законодательном акте, регулирующем процесс жизнедеятельности калмыков, номограф, определяя его цель, прописывает необходимость «указывать им (калмыкам. – И. Л.) основания лучшего хозяйства, и возбуждать в них любовь к трудам» [24, с. 18].

Составной частью «Положения об управлении калмыцким народом» 1847 г. выступает Наказ об обязанностях по управлению калмыцким народом, в главе V которого одной из задач, возложенной законодателем на нойонов и правителей улусов, является «приохочивать к оседлости, к устройству загонов для скота, колодцев для водопоя, к заведению садов, лесов, к распространению хлебопашества, огородничества» [27, с. 369].

Аналогичное положение было выработано в отношении кочевых магометан Ставропольской губернии. К одной из функций Главного пристава кочевых народов относилось «внушение им в пристойных случаях преимуществ и выгод жизни постоянной пред кочевую, не создавая, однако же, вида принуждения» [25, с. 147]. Как мы видим, ни один из нормативных правовых актов, призванных регулировать процесс жизнедеятельности рассматриваемых народов не содержит механизма перехода кочевников к оседлости. По вопросу целесообразности такого процесса в правительственных кругах не достигли консенсуса, о чём писал один из главных чиновников инородческого управления: «Вопрос об изменении вековых обычаев и кочевого образа жизни калмыков, может казаться более или менее относящимся к ряду таких предположений, для осуществления коих в действительности не наступило ещё время. Даже в высшей официальной сфере предположение о возможности обращения калмыков к оседлой жизни пользуется не всегда большим авторитетом» [13, с. 76].

Статья 69 главы XII высочайше утверждённого 13 мая 1853 г. «Положения о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, проживающих в Ставропольской губернии» гласила, что количество земли, принадлежащих магометанским народам, также как и численность мужского населения, проживающего на них не определена достоверно. Одной из задач, учреждённой Межевой комиссией, являлось проведение подробной экономической съёмки с указанием оседлых аулов, численности населения и их сословной стратификацией. Уже имея полное комплексное представление о землях кочевников, кочующих в Ставропольской губернии, предполагалось составить проект их распределения между всеми кочевыми народами и поселёнными аулами. При этом, исходя из правовой нормы § 70 Положения, в приоритете оказались интересы поселенцев из оседлых аулов. Выделение территории кочевания должно было состояться после расчёта необходимого количества земли для оседлых аулов и только потом «предоставить в нераздельное пользование тем магометанам, которые не имеют ещё никакой оседлости и со стадами своими переходят с места на место» [23, с. 223]. По утверждению С. В. Фарфоровского, «приведённые указания закона комиссией не были выполнены, и границы, и объём землепользования тухмен остались неопределёнными» [32, с. 5]. Необходимость систематизации сведений «относительно отвода участков земли калмыкам, заявившим желание обзавестись оседлым хозяйством» возникла только во второй половине 60-х гг., тогда в апреле 1865 г. Главный попечитель калмыцкого народа К. И. Костенков отдал распоряжение о заведении для этого специальной книги по утверждённой форме [17, л. 135].

Калмыки

В марте 1836 г. губернские власти докладывали в столицу о неготовности калмыков к переходу на оседлый образ жизни, по их мнению, для осуществления этого необходимы были подготовительные меры, основанные, прежде всего, на ознакомлении кочевников в её преимуществах [29, л. 12 об.]. Но уже в сентябре 1837 г. Главный попечитель калмыцкого народа А. М. Фадеев докладывает о наличии в степи первых признаков перехода кочевников на оседлость в трёх улусах: Хошеутовском, Малодербетовском и Большедербетовском [15, л. 7 об.]. В ноябре 1836 г. Управление астраханского военного губернатора уведомило Главного попечителя калмыцкого народа о дозволении малодербетовскому владельцу Деджиту Тундутову «заводить оседлость на улусных землях из подвластных ему калмыков, дабы владелец имеет под рукой все средства поднять развитие этого хозяйства и содействовать к успешному и прочному устройству сих водворений» [16, л. 12]. При этом первые зачатки оседлости в Малодербетовском улусе появились в 1834 г., в связи с массовым падёжом скота [16, л. 12]. В это же время в Большедербетовском улусе самим М. А. Фадеевым было зафиксировано наличие не только стационарных жилищ, но и посевов злаковых культур, и загонов для скота [16, л. 12].

В сентябре 1838 г. Главный попечитель калмыцкого народа А. М. Фадеев получает весьма противоречивое по своему содержанию донесение помощника улусного попечителя И. Ведерникова по поводу оседлого хозяйства подвластных людей Деджита Тундутова. Так, он сообщает, что калмыки Малодербетовского улуса «завелись некоторою оседлостью, ... завели небольшие распахши земель, выстроили дома» [16, л. 12]. Для зимнего кочевья Главной ставки на урочище Альматын адык были построены три довольно хороших деревянных дома и засеяно до 15 десятин хлеба, накошено 1 500 копен сена. На Унгун Теречи калмыками зайсанга Шинмерского рода Барынга — 3 500 копен сена; на Уластайн шире адык Бакшин-Шебенеровского рода — 7 десятин хлеба и до 800 копен сена [16, л. 36]. Более того в августе 1838 г. Деджит Тундутов направил своих подвластных возделывать сырой кирпич для строительства нескольких домов, «чтобы тем показать

своим подданным возможность и пользу строить дома, без излишних издержек». Одновременно улусный чиновник делает акцент на своё предположение, возведённое им в фактически произошедший результат, о том, что, «судя по склонности их к праздности, нигде не обещает прочного водворения, ибо всё это делается чтобы иметь некоторым образом собственный участок земли и впоследствии извлекать из того непозволительными способами свои пользы» [16, л. 35]. Но, несмотря на негативные прогнозы Ведерникова, ознакомившись с которыми, военный губернатор В. Г. Пяткин писал: «я увидел весьма достаточные на первый раз успехи в столь общепользном предприятии попечительного владельца Тундутова, который личным стремлением к оседлой жизни и сельским хозяйствам, на самом деле представляет собою пример своим подвластным» [16, л. 40–40 об.]. В начале второй половины XIX в. один из улусных чиновников придёт к выводу о том, что «калмыки приступить к заведению хозяйством могут или лучше сказать согласятся, не иначе как через Правителей или зайсангов» [17, л. 9].

В мае 1839 г., по данным улусной администрации, малодербетовцы засеяли кроме пшеницы и ржи, просо, овёс, арбузы, тыкву и картофель.

Первый департамент Министерства государственных имуществ 28 августа 1840 г. циркулярно разослало управляющим губернскими палатами повеление императора от 8 августа о посадке картофеля «как произведения менее других подверженного случайностям неурожая» [3, л. 2]. На основании высочайшего распоряжения 29 апреля 1841 г. Совет калмыцкого управления предписал всем попечителям, владельцам, правителям и опекунам, чтобы они «всеми мерами старались разводить картофель, убеждая к тому и подвластных калмык» [3, л. 156]. На столь категоричное распоряжение 26 ноября того же года поступил аргументированный отказ от попечителя Большедербетовского улуса и опекунов мелкопоместных владельцев Пюрбе Гахаева и Арабдана Джамбаева о невозможности производить посевы картофеля на территории их улуса. Во-первых, потому что выращивание картофеля требовало «значительной и искусственной обработки земли, к чему калмыки не расположены»; во-вторых, картофель, по утверждению авторов документа, «не составляет для них в том улусе необходимой пищи»; в-третьих, кочевой образ жизни не оставляет возможности ухода за посевами; в-четвёртых, крестьяне, проживая по соседству с калмыками, на таких же по качеству и свойству землях, не практикуют разведения картофеля, вероятно потому что «извлекаемая от того польза не вознаграждает трудов их» [3, л. 157]. Ещё одним контраргументом послужило и качество земель, «которое не обещает обильных плодов в разведении картофеля». Подобные рапорты поступили в Совет из разных частей Калмыцкой степи, кроме Малодербетовского и Хошеутовского улусов. Согласно донесению пристава Яндыковско-Икицохуровского улуса Ханжина, поступившего в Совет Калмыцкого управления разведение картофеля, «должно будет остановить их на одном месте, почему скотоводство их, лишённое способов к перемене подножных кормов, должно прийти в упадок, тогда как посев картофеля не может принести тех польз какие они получают от скотоводства» [3, л. 179 об.].

Принимая во внимание приведённые доводы, по предложению астраханского вице-губернатора, вопрос о разведении картофеля калмыками решено было отложить «впредь до того времени, пока последуют благоприятные для этого в быту этих калмыков в отношении к большей оседлости в их жизни, изменения» [3, л. 159].

Следующая мера имперских властей призвана была одновременно обеспечить организацию дорожной инфраструктуры вдоль тракта, связывающего центральные губернии страны с Кавказом, и механизм появления оседлых поселений на калмыцких землях. Законодателем устанавливалось пять способов и условий, способствующих этому: 1) учреждение вдоль дорог 44 станиц; 2) производство поселений только по добровольному согласию калмыков; 3) отведение калмыкам-простолюдинам в постоянное пользование по 30 десятин на душу и 1/5 часть в запас, с сохранением права участия в пастьбе скота на общих улусных землях; 4) для оседлого поселения в пользование на семейство получали калмыцкие владельцы 1 500 десятин, аймачные зайсанги — по 400 десятин и безаймачные зайсанги — по 200 десятин; 5) в обязанность местной администрации вменялось поощрение оседлости, и улучшение хозяйства уже посёлённых, в том числе путём выдачи денежных пособий [26, с. 725–726].

С целью активизации процесса перехода кочевников на оседлость 21 марта 1853 г. канцелярия Главного попечителя калмыцкого народа В. Н. Струкова циркулярно разослала всем улусным попечителям и заведующим отдельными частями улусом предписание о приглашении калмыков «заводить как близ дороги, так и в степи хутора, постоянные дворы и прочее» [17, л. 8]. Однако согласно рапортам чиновников, несмотря на их «постоянные разъезды по местам кочевий с объяснениями о пользе трудолюбия и обзаведения хозяйством», калмыки, кочующие в Мочагах, Багацохуровском, Эркетеновском, Харахусовском и Икицохуровском улусах «отказывались приступить к делу, пользы которого не сознают, отзываясь тем, что они постоянно в работе на рыбных промыслах» [17, л. 8 об.].

Привлечение калмыков-кочевников к оседлости затруднялось не только отсутствием навыков ведения земледельческого хозяйства и далеко не всегда способствующими этому почвенными условиями. Немалую роль в этом деле государственной важности играло и мировоззрение народа. Так, 7 октября 1853 г. попечитель Мочагов И. М. Янченко в рапорте В. Н. Струкову писал: «калмыки Харахусовского улуса как будто по какому-то внушению уверовали в то, что ежели будут жить на одном месте, то непременно овладеет ими болезнь и на их скот и потому должны постоянно перемывать места кочевкою» [17, л. 8 об.].

С целью не утратить родовые земли, калмыки подавали прошения об отведении участков «под оседлость», но получив его, не производили посевов, не занимались сенокосением и строительством стационарного жилья. Пытаясь искоренить эту практику в мае 1863 г. К. И. Костенков предложил Комиссии по заселению дорог на калмыцких землях при отводе калмыкам участков земли обращать внимание на наличие уже какого-либо опыта в этом направлении, «как то дома, землянки, базы для скота и тому подобные устройства на избранных им урочищах» [17, л. 74–74 об.]. Так, опекун Малодербетовского улуса Бадма Джал Кутузов направил 21 марта 1870 г. на имя Главного попечителя калмыцкого народа докладную записку, в которой просил выделить участок земли ему и его родственникам на урочище Сараха, где построен деревянный дом и Амта Бургуста, где уже имеется водяная мельница [17, л. 186].

Занимаясь процессом отвода земель калмыкам, желающим жить оседло, Комиссия обращала внимание не только на сделанные ими заделы, но и старалась соблюсти интересы тех, кто оставался приверженцем традиционного способа хозяйствования. В марте 1867 г. землемер Комиссии Андреев направил в Управление калмыцким народом ответ на запрос о состоянии отведения земель калмыкам, в котором запрашивал дополнительные документы, уточняющие ранее поданные ходатайства. Так, например, если в просьбе о выделении в исключительное пользование находилось родовое урочище, то необходимым был аймачный приговор, содержащий решение общества о переходе его полностью или только отдельных лиц. Соответственно, в последнем случае будут ли ущемлены интересы остальных однообщественников, а также калмыков соседних аймаков.

На основании разрешения министра государственных имуществ из средств общественного калмыцкого капитала калмыкам Дунду Хурулова рода Малодербетовского улуса Эрэнджену Убушиеву и Санджи Индрумову было выдано в качестве беспроцентной ссуды сроком на три года 150 руб. «на разведение сада и устройство оседлости» [20, л. 1]. В апреле 1902 г. с разрешения астраханского губернатора ссуду получили калмыки Талтанкинова рода Малодербетовского улуса на обзаведение оседлостью на урочище Цагана-Нур Кеке Обгенов и разведение сада на урочище Марлын Нур Гаря Адучиев [18, л. 1]. Выдвигая ходатайство о подержании калмыков, изъявивших желание получить ссуду для занятия садоводством, улусный попечитель А. А. Шипов 1 февраля 1902 г. докладывал о том, что «это первый опыт садоразведения во всей восточной половине вверенного мне улуса, хотя почвенные и иные удобства как нельзя более благоприятствуют этому занятию» [19, л. 1]. В следующем рапорте от 26 марта 1902 г. А. А. Шипов сообщает, что кроме наличия обеспечения заемных средств в виде хозяйства, состоящего из одной лошади, 12 голов крупного рогатого скота и восьми овец, Адучиев «несколько знаком наглядно с этой стороной дела (садоводство. – И. Л.), за время своего проживания в Астрахани, где он прошёл курс обучения в гимназии» [19, л. 4].

Таким образом, первые попытки занятия земледелием в калмыцком обществе датируются 30-ми гг. XIX в., но и даже во второй половине столетия численность калмыков-земледельцев слегка превысила 200 человек. И только в конце XIX – начале XX в. процесс перехода к земледелию получил у них более широкое развитие.

Ногайцы

Впервые вопрос о переводе ногайцев на оседлость прозвучал в отчётном докладе, представленном в 1836 г. императору Николаю I, командующим войсками на Кавказе и Черномории, генерал-лейтенантом А. А. Вельяминовым, который отметил, что «в области кочуют мухаммеданские народы, трухменцы и ногайцы, предпочтительно занимающиеся скотоводством» [22, с. 774]. Имея немалый опыт управления на Кавказе, он полагал, что оседлый образ жизни не только был бы полезен для кочевников, но и соответствовал бы имперским устремлениям в регионе. В связи с этим разработанный им проект предполагал введение системы поощрений для тех, кто пожелает оставить кочевую жизнь. Однако предложение не получило поддержки на уровне императора, более того оставленная им резолюция: «Зачем?» — предопределила на долгие годы политику властей в отношении кочевых инородцев Кавказской области, а затем Ставропольской губернии.

Однако проект послужил толчком к принятию отдельных мер в изучении хозяйственно-экономического развития кочевых народов степного Предкавказья. Так, 28 июня 1836 г. министр внутренних дел Д. Н. Блудов сообщил главноуправляющему гражданской частью на Кавказе барону Г. В. Розену о повелении императора «не останавливаться представлением предположений моих о мерах, к улучшению состояния кочующих в Кавказской области народов» [22, с. 775]. В целях исполнения монаршей воли на Кавказскую линию из Тифлиса были отправлены два чиновника, коллежский советник Ивков и титулярный советник Реутт, для изучения всех обстоятельств касающихся дальнейшего развития указанных народов. Собранные ими сведения давали представления о происхождении народа, территории проживания, системе

управления, судоустройстве и судопроизводстве, повинностях и основных занятиях. Согласно собранным им сведениям, ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства, т. е. касаевцы, едисанцы и едишкульцы, все без исключения, ведут оседлый образ жизни. Проживающие на территории Ачикулакского приставства едишкульцы имеют склонность к оседлой жизни и даже просили довести до сведения начальства просьбу их о назначении удобных для того земель. Джембулуковцы «любят кочевую жизнь по примеру как жили их отцы и деды», также как и ачикулакцы [22, с. 778]. Ачикулакцы и караногайцы — кочевники, но «во всех кубах есть по несколько ногайцев занимающихся хлебопашеством» [22, с. 779].

Одной из действенных мер в деле перевода кочевников на оседлость, предпринятых на губернском уровне, стало ходатайство начальника губернии П. А. Брянчанинова, выдвинутое 29 сентября 1862 г., на основании которого 19 апреля 1863 г. наместником Кавказским было подписано предписание о выдаче беднейшим из ногайцев Ставропольской губернии пособия. Размер денежной выплаты составлял 10 руб. на семейство и предназначался только тем из ногайцев, которые пожелали оседло водвориться. Пособие предназначалось для первоначального обустройства хозяйством и являлось безвозвратным, с отнесением сумм на магометанский общественный капитал [5, л. 1].

Практика выдачи пособия кочевникам, изъявившим желание перейти к оседлому образу жизни, позволила местным чиновникам провести анализ проведённой работы и внести некоторые поправки на рассмотрение губернских властей. Пристав Ачикулак-Джембойлуковского Едисанского и Едишкульского народов, ротмистр И. А. Шмерлинг в рапорте Главному приставу кочующих народов от 19 марта 1863 г., подполковнику В. П. Мевесу сообщал об оказанном положительном влиянии опыта первых поселенцев на решения остальных их однообщественников. Так, пристав, отмечая, что «имея в глазах пример уже поселившихся, и что правительство, не шутя, дарит ногайцам в пособие по 10 руб., они решились на внесение их в список нуждающихся в пособии при поселении» [5, л. 27], указывает на необходимость заблаговременного отправления денег, чтобы люди имели возможность завершить строительство до наступления холодов. Вся бюрократическая волокита заняла весь весенне-летний период, и только 5 сентября канцелярия губернатора уведомила Главного пристава о разрешении выдачи пособия [5, л. 37]. Ранее пристав караногайского народа А. О. Рудановский, обращаясь к В. П. Мевесу, писал: «при соблюдении подробной формальности, может затрудниться ход поселения ногайцев». При направлении ходатайства для рассмотрения губернатором необходимо прилагать общий список всех желающих, что затягивалось на длительное время «уменьшая вместе с тем порыв ногайца к этому прекрасному делу». Кроме того, изъявивший желание поселиться и нуждающийся в пособии, вместо того, чтобы по явке его в ставку с необходимым удостоверением в его бедности получить тогда же деньги, вынужден напрасно терять время, которое могло быть затрачено на постройку сакли [5, л. 19–19 об.].

На рапорт И. А. Шмерлинга 27 августа 1863 г. последовал категоричный ответ о несогласии гражданского губернатора К. Л. Пашенко, так как без этих списков «не представляется никакой возможности к правильному контролированию розданной в пособие суммы», а приставу рекомендовалось «употребить более готовности и умения исполнять законное и справедливое требование начальства» [5, л. 11]. Однако его предложение о выдаче пособия только тем из ногайцев, которые имеют уже кирпич для строительства дома и не менее десяти голов скота, было одобрено К. Л. Пашенко.

23 ноября 1867 г. Главный пристав кочующих народов Я. А. Тимофеев представил ставропольскому губернатору Г. К. Властову своё мнение о прекращении выдачи ногайцам, «желающим оседло водвориться, пособия на первоначальное их обустройство по 10 руб. на семейство» [5, л. 42]. 29 ноября губернатор направил об этом предложении рапорт Наместнику Кавказскому. Император Александр II, ознакомившись с докладом, «изволил приказать прекратить на будущее время выдачу ногайцам пособия». И уже 11 января 1868 г. утверждённое императором мнение главного чиновника инородческого управления Ставропольской губернии вернулось ему же через канцелярию ставропольского губернатора, прекратив практику перехода кочевников-ногайцев на оседлость.

В начале XX в. переход к оседлости если не целыми обществами, то отдельными семьями ногайцев стал рядовым явлением. Так, например, 26 июля 1906 г. обществом ногайцев джембулуковского народа Ачикулакского приставства были избраны доверенными ногайцы карарюмского куба Закерия Баженов и канглыкского Бади Джалиев для ходатайства «о наделении нас 30 десятинами удобной земли на каждую наличную душу мужского пола и по образованию из нас нескольких поселенных аулов» [8, л. 1].

Трухмены

В отношении ставропольских трухмен (туркменов) автор статьи в «Сборнике статистических сведений о Ставропольской губернии» за 1869 г. пишет: «Народ этот более других кочующих племен Ставропольской губернии, останавливает на себе внимание тем, что пришедшие к нам позднее других выходцев из Азии, выказал наибольшую склонность к принятию оседлой жизни» [31, с. 181].

В отчёте пристава трухменского народа за 1857 г. в графе, в которой необходимо указать площадь земель, возделываемых инородцами под посевы хлеба, значилось: «трухменцы собственно сами собою хлебопашеством и заготовлением сена никогда не занимались и в настоящее время не занимаются» [7, л. 40]. Сведения, представленные на вопрос о качестве земель, объясняют одну из причин, почему трухмены не занимаются земледелием, так как «на всём пространстве занимаемой зимними трухменскими

кочевьями, грунт земли состоит из солонцеватой горькой и песчано-глинистой почвы, почти вовсе неудобной к земледелию и производству трав» [7, л. 39 об.].

Сведения из отчёта трухменского пристава за 1874 г. отражают изменения, произошедшие за 17 лет. Так, во-первых, в разделе о населении на 1 января значатся 6 865 душ трухмен-поселенцев, проживающих в восьми аулах: Большой и Малый Барханчик, Куликовы Копани, Маштак-Кулак, Чур, Кучерли, Шарахалсун, Озек-Суат, что составляет 38 % от их общей численности на территории пристава. В августе 358 человек из числа кочевых трухмен подали прошение на имя Главного пристава об отводе им для оседлого поселения участка земли на урочище Юсуп-Кулак [6, л. 20].

В течение 1874 г. ими было посеяно 207 четвертей озимой и 352 — яровой пшеницы, и собрано 1 675 и 6 954 соответственно [6, л. 19]. Статистические данные, представленные в отчёте, иллюстрируют переход на оседлый образ жизни кочевых туркмен. Однако на деле эти цифры не соответствуют действительности. Из восьми поселённых туркменских аулов, жители только одного — Малый Барханчик, «вполне усвоили земледельческий образ» [6, л. 20 об.]. Население аула Озек-Суат получили под поселение участок земли, примыкающий к правому берегу реки Кумы, которое оказалось «совершенно неудобным по свойству солонцеватости производить какое-либо хлебное произрастание» [6, л. 21 об.]. Земли, отведённые по обе стороны реки Калаус, несмотря на их предрасположенность к земледелию, поселенцами аула Шарахалсун не были оценены и сдавались в аренду под распашку и сенокосение «за самую малую сумму». Так называемые «поселенцы» остальных пяти аулов, получив правительственное пособие в размере 10 руб. на семейство, для строительства жилья, как и все остальные, изъявившие желание перейти на оседлость продолжали по-прежнему жить в кибитках. Те немногие воздвигнутые постройки или использовались как убежище для мелкого скота в зимний период, или вовсе были брошены и подвергались разрушению. Сохраняя приверженность к кочевому скотоводческому хозяйству, «поселенцы» сдавали свои земельные паи в аренду русским крестьянам, получая $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть от сбора урожая. В зависимости от способа ведения хозяйства С. В. Фарфоровский разделил жителей трухменского пристава на поселенцев, ведущих оседлый образ жизни, лиц в переходной стадии и кочевников. Профессиональный историк, увлечённо занимавшийся изучением истории и этнографии кочевых народов Ставропольской губернии, считал, что появление посёлённых аулов не является свидетельством изменения взглядов кочевников на хозяйство и признания превосходства оседлой жизни, «они желали при формировании аулов, чтобы земля давала им доход путём аренды» [31, с. 5, 6].

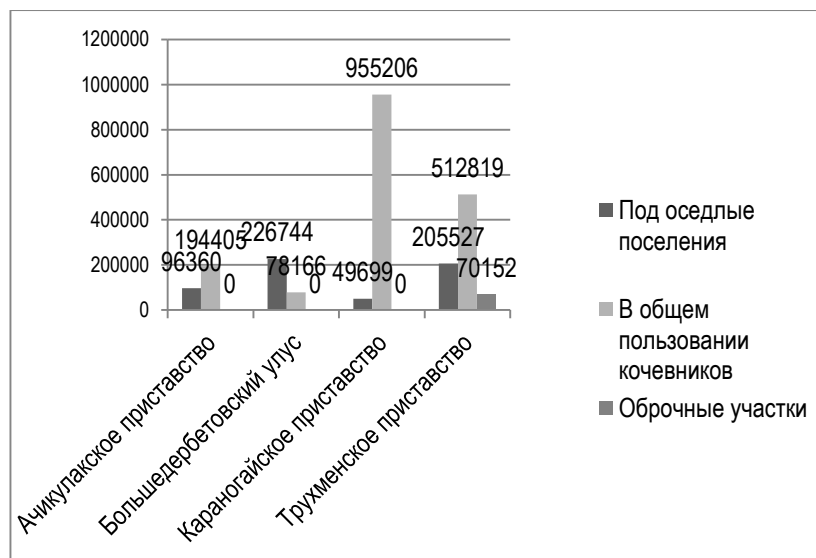

Рисунок — Соотношение площади земель, отведённых под оседлые поселения и находившихся в общем пользовании кочевников (в десятинах) [1, с. XVIII]

Нельзя не упомянуть, что процесс оседлости туркмен был задержан на 14 лет запрещением образовывать новые аулы; разрешалось только приписывать к уже существующим [32, с. 7].

В 1879 г. Управление наместника Кавказского по предложению губернатора, генерал-майора В. А. фон Дена, для изучения инородческих районов губернии, командировало агронома Кузьмина. Его изыскания вылились в конкретные количественные показатели, характеризующие не только состояние почвы и возможности их экономического использования, но и направления хозяйственного развития, населявших этот район жителей, что показано на рисунке.

Данные, представленные на рисунке, иллюстрируют возможность ведения земледельческого хозяйства на рассматриваемых территориях в пределах Ставропольской губернии. Так, почти половина всей площади (43 %) находилась под сыпучими песками, солончаками, соляными озёрами и камышами. Только четверть её часть (25 %) временно располагала к выпасу скота. Вторая четверть (25 %) земли была удобной для хлебопашества и под кочевьями так называемых «крещеных калмыков» находилось 7 %. [1, с. 1].

Выводы

Выработанная многими поколениями хозяйственная стратегия поведения кочевников, продиктованная географическим положением и климатическими условиями, не могла предполагать, одномоментное изменение их образа жизни. Исследование показало, что указанные народы занимали территории, явно не располагающие к развитию земледельческого труда, что и предопределило консервацию экстенсивного способа хозяйствования на долгие десятилетия. Власти, стремившиеся перевести кочевников на оседлость, в первой половине XIX в. не обладали достаточными сведениями о климатических и географических особенностях региона. Противоречивое поведение имперских чиновников разных уровней в кочевых обществах Астраханской и Ставропольской губерний показывает отсутствие чётко выработанной государственной концепции относительно инородческих окраин Юга России. В связи с этим можно выделить три этапа на пути к оседлости кочевников: 1) 30-е гг. XIX в. — первые попытки властей «посадить» кочевых инородцев, приведшие к единичным неустойчивым фактам «оседания», совершённые под влиянием лиц привилегированных сословий; 2) 40–60-е гг. — групповые случаи оседания, вызванные привлекательными мерами со стороны государства с одновременным обеднением в результате природных катаклизмов (шурганы, сильные снегопады, сопровождаемые оттепелями, засуха); 3) относительно массовые случаи, совершаемые по примеру успешных однородцев.

Список литературы

1. Бентковский, И. В. Кочующие народы в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Статистика населённых мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Составил действительный Член-Секретарь Статистического Комитета И. Бентковский. Издание губернского Статистического Комитета. — Ставрополь : Тип. Ставропольского губернского правления, 1881. — Вып. 9. — С. 15–18.
2. Викторин, В. М. Кочевники и полукочевники Нижнего Поволжья в составе России: социально-хозяйственная и политико-потестарная эволюция / В. М. Корчагин, Э. Ш. Идрисов // Ранние формы потестарных систем. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2013. — С. 202–228.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 350.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). — Ф. 249. — Оп. 3. — Д. 2569.
5. ГАСК. — Ф. 249. — Оп. 2. — Д. 118.
6. ГАСК. — Ф. 249. — Оп. 2. — Д. 618.
7. ГАСК. — Ф. 408. — Оп. 1. — Д. 1633.
8. ГАСК. — Ф. 418. — Оп. 2. — Д. 18.
9. Джумагулова, А. Т. Ногайцы-кочевники в XVIII–XIX вв.: выбор между Российским государством и Османской империей / А. Т. Джумагулова // Кочевая цивилизация: исторические исследования. — 2021. — № 4. — С. 27–45. — doi: 10.53315/2782-3377-2021-14-30-40-27-45.
10. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3-т. — Элиста : Герел, 2009. — Т. 1. — 848 с.
11. Крадин, Н. Н. Империя хунну / Н. Н. Крадин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Логос, 2001. — 312 с.
12. Крадин, Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н. Н. Крадин. — Владивосток : Дальнаука, 1992. — 312 с.
13. Ланко, П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса / П. З. Ланко // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Черныяского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Вып. 1. — 80 с.
14. Масанов, Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества / Н. Э. Масанов. — Алматы : Социнвест ; Москва : Горизонт, 1995. — 320 с.
15. Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НА РК). — Ф. И-7. — Оп. 4. — Д. 11.
16. НА РК. — Ф. И-7. — Оп. 4. — Д. 8.
17. НА РК. — Ф. И-7. — Оп. 4. — Д. 89.
18. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 1237.
19. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 4. — Д. 1238.
20. НА РК. — Ф. И-9. — Оп. 6. — Д. 576.
21. Невская, Т. А. 1917-й год на Ставрополье: ожидания и надежды кочевых народов / Т. А. Невская // Юг России в условиях революционных потрясений, вооружённых конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017. — Ростов на-Дону : Южный научный центр РАН, 2017. — С. 131–139.
22. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 20 мая 1837 г. № 406 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А. П. Берже. — Тифлис : Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. — Т. 8. — С. 774–781.
23. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1854. — Т. 28. Дополнение к т. 27, ч. 1, № 27239. — С. 215–225.
24. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. — Т. 10. Прибавление к т. 9, № 7560а. — С. 18–40.

25. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 8, № 878. — С. 145–155.
26. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1847. — Т. 21, ч. 2, № 20758. — С. 725–726.
27. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. — Т. 22, ч. 1, № 21144. — С. 349–372.
28. Полное собрание законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 40, № 30290. — С. 155–161.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 383. — Оп. 29. — Д. 135.
30. Сеницын, Ф. Л. Россия и кочевники. От древности до революции / Ф. Л. Сеницын. — Москва : Вече, 2021. — 288 с.
31. Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. 1869 г. — Ставрополь : Тип. Губернского Правления, 1869. — Вып. 2. — С. 181–216.
32. Фарфоровский, С. В. Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк 1909 г. / С. В. Фарфоровский. — Ставрополь-Кавказский : Электротпечатня Вайнблат, 1910. — 17 с.
33. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — 4-е изд. доп. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2008. — 512 с.
34. Хазанов, А. М. Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) / А. М. Хазанов // Проблемы алтаистики и монголоведения. — Элиста : Калмыцкий НИИЯЛИ, 1974. — С. 213–220.

References

1. Bentkovskiy, I. V. Kochuyushchie narody v Stavropolskoy gubernii [Nomadic peoples in the Stavropol province]. *Statistika naselennykh mest i pozemelnoy sobstvennosti v Stavropolskoy gubernii* [Statistics of populated areas and land ownership in the Stavropol province]. Stavropol: Typography Stavropol provincial government; 1881, pp. 15–18.
2. Viktorin, V. M., Idrisov, Ye. Sh. Kochevniki i polukochevniki Nizhnego Povolzhya v sostave Rossii: sotsialno-khozyajstvennaya i politiko-potestarnaya evolyutsiya [Nomads and semi-nomads of the Lower Volga region as part of Russia: socio-economic and political-potestary evolution]. *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early forms of potestary systems]. Saint Petersburg : MAE RAN; 2013, pp. 202–228.
3. *State archive of the Astrakhan region (GAAO)*. Found 2, inventory 1, case 350.
4. *State archive of the Stavropol territory (GASK)*. Found 249, inventory 3, case 2569.
5. GASK. Found 249, inventory 2, case 118.
6. GASK. Found 249, inventory 2, case 618.
7. GASK. Found 408, inventory 1, case 1633.
8. GASK. Found 418, inventory 2, case 18.
9. Dzhumagulova, A. T. Nogaiytsy-kochevniki v XVIII–XIX vv.: vybor mezhdru Rossiiskim gosudarstvom i Osmanskoj imperiei [The Nogai Nomads in the XVIII–XIX centuries: the choice between the Russian State and the Ottoman Empire]. *Kochevaya tsivilizatsiya: istoricheskie issledovaniya* [Nomadic civilization: historical research]. 2021, no. 4, pp. 27–45. doi: 10.53315/2782-3377-2021-14-30-40-27-45.
10. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [History of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista : Gerel; 2009, vol. 1, 848 p.
11. Kradin, N. N. *Imperiya hunnu*. [The Xiongnu Empire]. Moscow: Logos; 2001, 312 p.
12. Kradin, N. N. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki)* [Nomadic societies (problems of formation characteristics)]. Vladivostok : Dalnauka; 1992, 312 p.
13. Lanko, P. Z. Otryvki iz zapisok o kalmykakh Bolshederbetovskogo ulusa [Excerpts from notes about the Kalmyks of the Bolshederbetovskiy ulus]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropolskoy gubernii* [Collection of statistical information about the Stavropol province]. Ed. by N. N. Chernoyarskogo. Stavropol: Typography Provincial government; 1868, iss. 1, 80 p.
14. Masanov, N. Ye. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of a nomadic society]. Almaty: Sotsinvest; Moscow: Horizon; 1995, 320 p.
15. *National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK)*. Found I–7, inventory 4, case 11.
16. NA RK. Found I–7, inventory 4, case 8.
17. NA RK. Found I–7, inventory 4, case 89.
18. NA RK. Found I–9, inventory 4, case 1237.
19. NA RK. Found I–9, inventory 4, case 1238.
20. NA RK. Found I–9, inventory 6, case 576.
21. Nevskaya, T. A. 1917-y god na Stavropole: ozhidaniya i nadezhdy kochevykh narodov [1917 in the Stavropol region: expectations and hopes of nomadic peoples]. *Yug Rossii v usloviyakh revolyutsionnykh potryaseniy, voozuzhennykh konfliktov i sotsialno-politicheskikh krizisov, 1917–2017* [South of Russia in the conditions of revolutionary upheavals, armed conflicts and socio-political crises, 1917–2017]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2017, pp. 131–139.
22. Otnoshenie barona Rozena k gr. Chernyshevu ot 20 maya 1837 g. No. 406. [The attitude of Baron Rosen to gr. Chernyshev dated May 20, 1837 No. 406]. *Akty, sobrannye Kavkazskoy arheograficheskoy komissiiy* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Typography Head Office of the Viceroy of the Caucasus; 1881, vol. 8, pp. 774–781.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva kantselyarii; 1854, vol. 28, part 1, no. 27239, pp. 215–225.
24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichstva kantselyarii; 1836, vol. 10, no. 7560a, pp. 18–40.

25. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipography Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830, vol. 8, no. 878, pp. 145–155.
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipography Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1847, vol. 21, part 2, no. 20758, pp. 725–726.
27. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipography II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1848, vol. 22, part 1, no. 21144, pp. 349–372.
28. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg: Tipography Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830, vol. 40, no. 30290, pp. 155–161.
29. *The Russian State Historical Archive (RGIA)*. Found 383, inventory 29, case 135.
30. Sinitsyn, F. L. *Rossiya i kochevniki. Ot drevnosti do revolyutsii* [Russia and nomads. From antiquity to revolution]. Moscow: Veche; 2021, 288 p.
31. Trukhmyane, kochuyushchie v Stavropolskoy gubernii [Trukhmyan nomads in the Stavropol province]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropolskoy gubernii* [Collection of statistical information about the Stavropol province]. Stavropol: Printing house of the Provincial Board; 1869, pp. 181–216.
32. Farforovskiy, S. V. *Narodno yuridicheskie obyчай turkmen Stavropolskoy gubernii. Yetnograficheskiy ocherk 1909 goda* [Folk legal customs of the Turkmens of the Stavropol province. Ethnographic essay of 1909]. Stavropol-Kavkazsky: Weinblat Electroprinting; 1910, 17 p.
33. Khazanov, A. M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the outside world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2008, 512 p.
34. Khazanov, A. M. Sarmato-kalmytskie paralleli (k voprosu o zakonomernostyakh kochevogo khozyaystva v odnotipnoy ekologicheskoy obstanovke) [Sarmat-Kalmyk parallels (to the question of the patterns of nomadic economy in the same type of ecological situation)]. *Problemy altaistiki i mongolovedeniya* [Problems of Altaistics and Mongolian studies]. Elista: Kalmytskiy NIYaLI; 1974, pp. 213–220.

Информация об авторе

Лиджиева И. В. – доктор исторических наук.

Information about the author

Lidzheva I. V. – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.